

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
2. *Hallam H.* View of the State of Europe During the Middle Ages. New York, 1874 (reprint); *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism. Oxford, 1978.
3. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1994; Он же. Смуты и институты. – М., 2009.
4. *De Soto H.* The Missing Ingredient // *The Economist*, 11-17 September, 1993; Сото Э де. Иной путь. Челябинск, 2007. (Первая статья была найдена едва ли не случайно (но очень удачно) во время сбора материала для дипломной работы, дальнейшие изыскания стали предметом профессионального интереса).
5. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000; Бетелл Т. Собственность и процветание. – М., 2008.
6. *Cit. no: Delaney V.T.* Frederic William Maitland Reader. New York, 1957.
7. *Суслопарова Ю.В.* Английские юристы XIII-XVIII вв. о природе английского права // *Правоведение*. – 2009. – № 2.
8. *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism. Oxford, 1978.
9. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000.
10. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М., 1956.
11. *Allen J.W.* English Political Thought. – 1938. – P. 1603-1640.
12. *James Harrington.* The Commonwealth of Oceana and a System of Politics / Ed. by J. G.A. Pocock. Cambridge, 1992.
13. Опубликовано в: Two English Republican Tracts / Ed. by C. Robbins. Cambridge, 1969.
14. *Берман Г.Дж.* Средневековое английское право справедливости. В кн.: Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
15. *Берман Г.Дж.* Право и вера в трех революциях. В кн.: Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
16. *Cotterell M.* Interregnum Law Reform // *English Historical Review*. – 1968. – P. 83.
17. *Miller J.* The Potential for «Absolutism» in Later Stuart England // *History*. – 1983. – P. 89.

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.
E-mail: klochkov@tsure.ru.
347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.
Тел.: 88634371427.

Klochkov Viktor Viktorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.
E-mail: klochkov@tsure.ru.
44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.
Phone: +78634371652.

ББК 67.3

В.С. Назарова

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛУСВОБОДНЫХ И РАБОВ
В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ VII-VIII ВВ.**

Целью настоящей работы является анализ социального статуса полусвободных и рабов в англосаксонском обществе в раннее средневековье. В работе анализируются важнейшие направления в историографии вопроса и прослеживаются основные историографические дискуссии по рассматриваемому вопросу в отечественной и зарубежной медиавистике и истории права.

Полусвободные и рабы; социальная стратификация; англосаксонское общество в раннее средневековье.

V.S. Nazarova

PARTLY-FREES AND SLAVES IN ANGLO-SAXON SOCIETY IN VII-VIII CENTURIES

The aim of an article is to analyze the social status of partly-frees and slaves in Anglo-Saxon Society in VII-VIII centuries. All the main trends in historiography of the problem are examined as well as the most important historiography discussions on the problem in medieval studies and history of law are reappraised.

Partly-frees and slaves; social stratification; Anglo-Saxon Society; Early Medieval Age.

Помимо рядовых свободных и знати, положение которых было обрисовано выше, в англосаксонском обществе VII – VIII вв. можно выделить еще одну своеобразную группу, социально-правовой статус членов которой не может быть описан в понятиях и юридических категориях, применяемых к прочим слоям населения Кента и Уэссекса. Речь идет о так называемых полусвободных, чье положение в общественной системе было отмечено целым рядом противоречий [1].

В общих трудах по истории Англии донормандского времени внимание уделялось *лишь той* социальной группе, которая в ранних кентских “Правдах” названа “лиатми” (laets). Именно их считали представителями полусвободного населения Британии. Такого мнения придерживался, в частности, П. Виноградов, который полагал, что кентские литы были низшим слоем местного кельтского населения, обращенного в зависимость завоевателями. Аналогию кентским литам в Уэссексе исследователь видел в низших слоях бриттов, названных в законодательстве Инэ “уэлями” (wealh) [2. P. 124]. Главный оппонент Виноградова Ф. Сибом, исходя из общих положений своей теории полагал, что римское рабство перерастало в крепостное состояние непосредственно, а литы времен раннего средневековья, как на континенте, так и в Британии, являлись потомками литов римских [3]. Наконец, распространена также точка зрения, согласно которой термины “литы” и “уэли” были лишь различными названиями англосаксонских рабов [4].

Прежде чем определить, существовали ли полусвободные в англосаксонском обществе и какие именно группы населения могут быть к ним отнесены, нам придется рассмотреть положение местного завоеванного населения – бриттов, или более узко, – вопрос о расселении кельтов после германского завоевания в центральных и отчасти восточных районах острова.

Материалы источников при их детальном рассмотрении дают больше оснований в пользу предположения о неполном истреблении и вытеснении кельтов с территории, занятой англосаксами. Правда Инэ, в которой содержится наибольшее количество сведений о кельтском населении Британии, упоминает бриттов под именем уэлей и делит их вергельды на три категории, что уже само по себе говорит о многочисленности кельтов [5, Ine 23 § 3, 32].

С другой стороны, очевидно, что все они попали в ту или иную зависимость: вергельд рядового бритта был равен 120 шиллингам, составляя чуть более половины вергельда свободного англосакса [5, Ine 23 § 3, 32]. Это положение подтверждается и другими данными: попавшего в рабство бритта хозяин мог обвинить в преступлении, подкрепив свое обвинение присягой в 12 гайд, тогда как подобное действие в отношении англосакса требовало присяги в 24 гайды [5, Ine 54 § 2]. Наконец, то обстоятельство, что законодателя интересовали только отношения англосаксов с уэлями, но никак не внутренние порядки последних, служит дополнительным, хотя и косвенным доказательством зависимого положения покоренного кельтского населения.

При всем этом трудно, однако, согласиться с мнением некоторых авторов о поголовной рабской зависимости кельтов в восточных районах Британии [4]. По-

ложение бриттов отнюдь не было одинаково; оно определялось целым рядом обстоятельств, среди которых решающее значение имел размер земельного владения. Так, у владельца одной гайды вергельд составлял 120 шиллингов, полу-гайды – 80 шиллингов, а у безземельного – 60 шиллингов [5, Ine 23 § 3, 32]. Последнее обстоятельство обратило на себя внимание компилятора, составившего уже упоминавшиеся “Законы северных людей” (Northleoda laga): там было особо оговорено, что бритт, не имеющий земли, свободен, хотя вергельд его и равен цене раба [6]. В то же время кельт, владеющий пятью гайдами земли имел вергельд в 600 шиллингов, втрое превышающий возмещение рядового свободного англосакса [5, Ine 24 § 2].

Кроме величины земельного владения, положение бритта в обществе определялось его местом в системе родственных отношений: сын бритта - владельца одной гайды земли имел вергельд 100 шиллингов, т. е. на 20 шиллингов меньше, чем его отец [5, Ine 23 § 2]. Наконец, существенным моментом для определения вергельда бритта, а следовательно и его положения в обществе являлась служба королю. Бритт, исполнявший для короля разъездную службу, имел вергельд в 200 шиллингов независимо от того, была у него земля или нет. По-видимому, высокий вергельд в 600 шиллингов и 5 гайд земли бритт тоже получал на королевской службе: соотношение вергельда в 600 шиллингов с вергельдом рядового свободного англосакса, состоящего на королевской службе и владеющего пятью гайдами земли – 1200 шиллингов [5, Ine 33, 51, 70], с одной стороны, и вергельда бритта – владельца одной гайды земли, с другой, – подтверждает правильность такого заключения.

Таким образом, даже этот краткий анализ дает, как нам кажется, достаточно оснований для вывода о недопустимости оценки уэлей как слоя полусвободных англосаксонского общества. Напротив, несмотря на свое приниженное положение, они оставались лично свободными, с законодательно очерченными правами и обязанностями. Королевская служба открывала кельтам, равно как и свободным англосаксам, путь к получению земельного владения и повышению своего социального статуса. Все это заставляет обратиться к рассмотрению еще одной категории населения, названной в *Правдах англосаксонских королей* “эснами” (esne).

Относительно эснов, как и других групп зависимого населения в Кенте и Уэссексе, в литературе высказывались лишь отдельные предположения, более или менее обоснованные. Так, П. Виноградов считал, что эсны были рабами [2. Р. 229], однако тот отрывок “Церковной истории народа англос” , на который он ссылается, не подтверждает этого [7]. Аналогичные предположения высказывал немецкий исследователь англосаксонских *Правд* Ф. Либерман, подтверждая свои наблюдения ссылками на те статьи законодательства, где определены одинаковые наказания для эснов и рабов [8]. С этими доводами согласились также Д. Петрушевский [9] и Р. Ходжкин [10. Р. 255].

Однако подобная точка зрения, при всей ее кажущейся обоснованности, встречает и серьезные возражения. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что для обозначения раба в кентских и уэссекских *Правдах* имеется вполне определенный термин “*theow*”, не представляющий совершенно никаких трудностей для истолкования. Кроме того, можно сделать целый ряд наблюдений, не только показывающих отличие социально - правового статуса эсна от рабского, но и обрисовывающих специфические черты этого положения, позволяющие уверенно отличать эснов от представителей других общественных групп.

Вполне очевидно, что в некоторых отношениях личность эсна была защищена подобно личности свободного человека [11, Aethelbert 24, 88], тогда как *theow* такой охраной закона не пользовались ни при каких обстоятельствах [11, Aethelbert 89]. Другой пример – штрафы за тяжкое членовредительство: для

рядовых свободных они основывались на вергельде [11, Aethelbert 43, 69] и тот же самый принцип действовал и в отношении эснов [11, Aethelbert 87]. Из законов Этельберта видно, что эсны могли выплачивать не только небольшие штрафы, но и весьма значительные возмещения, например, в случае убийства другого эсна [11, Aethelbert 86]. Однако, если речь шла об убийстве эсном рядового свободного или эрла, то он не платил вергельда: его господин выдавал убийцу родственникам убитого и добавлял денежное возмещение, из чего ясно видно, что правоспособность эсна была ограничена. Характерна еще одна особенность, отличающая эсна от theow. Кентские Правды знают два различных термина, обозначающих господина и собственника. Один из них - "drihten" - употреблялся для обозначения господина над свободным человеком: так, например, именовался король по отношению ко всем своим подданным [11, Aethelbert 6], а предводитель дружины – по отношению к гезитам [12, Wihtraed 5]. Термином "agend" обозначался собственник вещи [13], и им же обозначался господин по отношению к своим theow [12, Wihtraed 27]. К господину эсна в равной степени применялись оба эти термина [12, Wihtraed 9, 10, 23, 24]. Подобная двусмысленность служит лишним доказательством промежуточного положения эснов между рядовыми свободными и рабами.

Таким образом, совершенно очевидно, что эсны и theow не принадлежали к одной социальной группе, свидетельством чему являются многочисленные данные источников. Эсны имели собственный дом, вели хозяйство на принадлежащих им небольших участках земли [12, Wihtraed 29], а постоянные упоминания о господах эснов дают основания предполагать, что они привлекались для выполнения различных работ в хозяйствах свободных общинников, живя в тех же деревнях, что и керлы.

Последнее обстоятельство было оспорено А. Гуревичем и породило весьма интересное направление в отечественной историографии данной проблемы. На основании анализа титула 23 Правды Уитреда А. Гуревич пришел к выводу о существовании в VII в. в Кенте крепостных деревень, населенных исключительно эснами – зависимыми держателями господских земель [14].

Подобная трактовка вынуждает и нас обратиться к истолкованию данной статьи для окончательного прояснения социально-правового статуса эснов. В статье говорится:

“Если кто-нибудь обвинит раба или эсна в его gemange (оставим термин пока без перевода), то господин должен очистить его от обвинения своей присягой если он принял причастие; если же нет, он должен представить другого человека, достойного доверия, либо заплатить штраф, либо пусть выдаст своего раба или эсна для бичевания.”

Термин "gemange" А. Гуревич переводит как "зависимая община" [14], населением которой являются крепостные - эсны. Такой перевод кажется не совсем точным. Буквальный перевод слова "gemang" – "смешанный", "находящийся среди"; термин "mang" означает "связь", "отношение" [15], а глагол "gemaengan" переводится как "смешивать", "соединять". Таким образом, термин "gemange" несомненно обозначает какую-то общность, но из контекста статьи 23 совершенно нельзя предположить, что речь идет о крепостной общине. Скорее всего, права М. Соколова, предположившая, что за термином "gemange" скрывается церковный приход.

В этом случае именно эсны со всей очевидностью рисуются как типичные полусвободные англосаксонского общества (а не рабы или тем более крепостные), подобные литам на континенте. Но дело осложняется тем, что литы упомянуты и кентской Правде Этельберта [11, Aethelbert 26], и хотя это единственное упомина-

ние о них во всех документах англосаксонского времени, необходимо рассмотреть вопрос о соотношении терминов “esne” и “laet”.

Думается, прав П. Виноградов, видевший аналогию кентским литам в низших слоях бриттов в Уэссексе. На эту мысль наводят, по крайней мере, два обстоятельства: деление литов сообразно размеру их вергельда на три категории [11, Aethelbert 26] и терминологическая параллель – термин “wealh” (или “wilisc mon”) для обозначения кентского населения применялся только в Уэссексе, значит, и в Кенте должен был быть свой, по-видимому, “laet”.

В дальнейшем рассмотренные нами термины претерпели значительную эволюцию: wealh исчезли из словоупотребления уже к концу IX в., что свидетельствовало о полной инкорпорации кельтского элемента в состав англосаксонского общества, а esne упоминаются в последний раз в трактате “Об управлении вотчинной” (Rectitudines Singularum Personarum) в первой четверти XI в., где вне всякого сомнения обозначает уже лично и поземельно зависимого человека.

Как ни скупы сведения о полусвободных, сообщаемые англосаксонскими Правдами, статьи, в которых упомянута еще одна интересующая нас категория населения Кента и Уэссекса – рабы, содержат еще более отрывочные сведения. Выше мы уже частично касались описания социально - правового статуса theow в его сравнении с esne, теперь же попытаемся дополнить картину.

Вопрос о положении рабского населения в Кенте и Уэссексе никогда не вызывал историографических дискуссий: исследователи ограничивались лишь описаниями рабского труда или высказывали общие гипотезы относительно происхождения и развития института рабовладения у англосаксов [10. P. 225]. Анализ источников позволяет утверждать следующее.

Рабы в англосаксонском обществе не выступали субъектами права. По-видимому, они были полностью лишены собственного имущества, поскольку за все свои правонарушения они отвечали телесными наказаниями [12, Wihtraed 13, 15]. Терминология судебных книг, особенно в Уэссексе, зачастую не оставляет сомнений в отношении к рабу как к имуществу [5, Ine 53, 54].

Относительно источников рабства из англосаксонского законодательства можно почерпнуть лишь некоторые косвенные данные. В рабском состоянии находилась часть покоренного кельтского населения, обращенная в него завоевателями [16]. По-видимому, рабами владели и сами бритты. В рабство могли быть проданы рядовые свободные англосаксы, но только в случае неуплаты каких-либо платежей или штрафов; Правды именуют таких людей “witetheow” (от «wite» - штраф, пеня) [5, Ine 3, 3 § 1, 7 § 1]. В остальных случаях продажа в рабство считалась деянием греховным [5, Ine 11]. В рабство можно было попасть также за несоблюдение церковных канонов [5, Ine 7 § 1].

Существовала у англосаксов и практика отпуска рабов на волю, хотя и не разработанная юридически так подробно, как скажем в Рипуарской Правде или знаменитом “Эдикте Ротари”. Вольноотпущенник именовался в законодательстве термином “folcfrý” [12, Wihtraed 8]. Статья 8 Правды Уитреда сохранила нам описание процедуры отпуска раба на волю. Дело происходит в церкви перед алтарем, отпущенный человек приобретает все правомочия свободного (se sy folcfrý): он имеет вергельд, свободно распоряжается своим наследством, имеет право покровительства по отношению к своей семье и свободного передвижения в пределах Кента. Если же он покидал страну, то право покровительства по отношению к семье folcfrý вновь переходило к его бывшему господину.

На основании имеющихся у нас данных источников можно заключить, что вольноотпущенниками становились люди различного положения: раб, работающий в праздничный день по приказу господина, получал свободу [5, Ine 3]; быв-

ший свободный, попавший в рабство за преступления или неуплату штрафа, тоже мог стать вольноотпущенником.

Наконец, существенный интерес представляет статья 14 Правды Уитреда. Там говорится, что хозяин дома, позволивший нарушить пост своим домочадцам (*his heowun*), "будь то свободные или рабы" (*frige ge theowne*) должен заплатить штраф. Рабы и свободные упомянуты здесь в одной связи, причем последние названы несколько странным термином "*frigne*", истолкование которого встречает некоторые трудности [5, Ine 57]; очевидно, что термин этот означает какие-то отношения зависимости, характер которых для VII – VIII вв. точно определить вряд ли удастся.

Завершая этот краткий анализ положения полусвободных и рабов в англосаксонском обществе VII - VIII вв., мы можем сделать вывод следующего характера. Типичными полусвободными этого общества были члены социальной группы, именуемой в *Правдах есне*. Кентские *laet* и уэссекские *wealh* скорее представляли собой свободных кельтов, инкорпорированных в состав общества завоевателей. В число полусвободных входили обедневшие и впавшие в зависимость общинники, часть кельтского населения, полусвободные, входившие в состав германских племен при их переселении в Британию, – социальный слой этот был чрезвычайно пестр и текуч по своему составу, чем зачастую объясняются и противоречия в правовом урегулировании его статуса. Что касается рабов, то столь отчетливые вначале признаки их рабского состояния к X – началу XI вв. теряются [17] – их сажают на землю и зависимость *theow* становится неотличимой от положения потерявших личную свободу потомков керлов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. – М., 1956.
2. *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. – L. 1905. – P. 124.
3. *Seebohm F.* English Village Community. – L., 1883. – P. 280-289.
4. *Мортон А. Л.* История Англии. – Л., 1950. – С. 39.
5. *Ine.*
6. *Northleoda Laga*, 8.
7. *Bede's Ecclesiastical History*, IV, 13.
8. *Liebermann F.* von. Die Gesetze der Angelsachsen. – Halle, 1903 – 1915. – Bd. 2. – P. 690.
9. Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского общества и государства в средние века. – М., 1937. – С. 33.
10. *Hodgkin R.H.* Anglo-Saxon England. – L., 1931. – P. 255.
11. *Aethelbert.*
12. *Wihtraed.*
13. *Hlothaere und Eadric*, 16 § 3.
14. *Гуревич А.Я.* Начальный этап феодального развития Англии / Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Т. XIX. Вып. 1. – Калинин, 1956. – С. 145.
15. *Campbell A.* Old English Grammar. – Oxford, 1959. – P. 124, 271.
16. *Bede's Ecclesiastical History*, XV. – EHD, 622 ff.
17. *Гуревич А.Я.* Английское крестьянство в X - начале XI вв. СВ. Вып. IX. – М., 1957. – С. 94-95.

Назарова Вероника Сергеевна

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: nazarova.v@yandex.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371652.

Nazarova Veronica Sergeevna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: nazarova.v@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371652.

ББК 87.6

М.А. Поночевный

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «КОНЦЕ ИСТОРИИ» В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе подвергается анализу понятие «конец истории» в контексте универсальной истории. Изучение той роли, которую играл «конец истории» в структуре элементов традиционных моделей универсальной истории позволяет понять современное состояние универсально-исторической размерности сознания и пути ее дальнейшей трансформации. Также в работе уделяется внимание вопросу о специфике западной модели универсально-исторической размерности сознания.

Конец истории; универсальная история; смерть универсальной истории; универсально-историческая размерность сознания; историческое мышление; глобальное состояние.

М.А. Ponochevny

THE IDEA OF “THE END OF HISTORY” IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL HISTORY PERSPECTIVE

Term «the end of history» in the context of universal history is analyzed in this article. Studying of the role which «the end of history» played in the structure of elements in traditional models of universal history let us understand the contemporary condition of the universal history dimension of consciousness and the ways of its further transformation. The work is also pays attention to the problem of the specific traits of the Western model of universal history consciousness.

The end of history; universal history; demise of universal history; universal history dimension of consciousness; historical thinking; Global condition.

Анализируя основные вехи развития такого феномена, как универсально-историческая перспектива, неизбежно приходишь к пониманию того, что ключевым пунктом в понимании процесса здесь выступает «конец истории». Содержание данного понятия, хотя и может показаться вполне ясным и однозначным, в действительности несет в себе множество значений и смысловых оттенков. Наложение осколков разных философских концепций, выдвигавшихся в разное время, и подчас отражений обыденного видения проблемы сделали само наше понимание «конца истории» глубокой и актуальной проблемой, требующей особого рассмотрения. Без сомнения, работа в этой области философского поиска позволит создать фундамент для последующего осмысления такой важной темы, как перспективы универсально-исторической модели и современное состояние соответствующей размерности сознания. В этом контексте отметим, что целью данной статьи является изучение основного смыслового содержания понятия «конец истории» в его связи с полем универсальной истории, уяснение его места и роли в исторической трансформации и современном состоянии универсально-исторической перспективы.